

Семиполатинскъ 17 Мая 1858 год<a>

Милостивый Государь
Иванъ Викентьевичъ,

Благодарю Васъ за письмо Ваше и за благопріятный отвѣтъ на мою просьбу. Все, что Вы пишете объ общественномъ воспитаніи и *нѣкоторыхъ* его невыгодахъ, въ *иныхъ* случаяхъ, такая истина, что я удивляюсь: какъ только теперь стали замѣчать ее! Честь и слава общественному воспитанію, – это безспорно! Оно сдѣлало свое дѣло и сдѣлало отлично. Между прочимъ былъ одинъ чрезвычайно-важный подвигъ, который оно совершило. Оно началось, когда наше общество было еще въ

// л. 3

броженіи и только что начинало новый путь свой. Не было ни *общихъ* правилъ, ни *общей* правды<,> ни *общаго* яснаго сознанія, ни *общаго* чувства чести. Тогда бывало иногда такъ, что два дворянина, отцы семействъ, разнились между собою понятіями во всемъ, какъ Европа и Китай, и Правительство, которое у насъ всегда было впереди и въ главѣ общества, – что завѣщалъ /самъ/ Петръ, умирая, своимъ преемникамъ, – правительство поняло, что въ русскомъ образованіи общественность должна, покамѣстъ, быть первымъ дѣломъ. Но теперь уже не то съ обществомъ. Мы далеко уже ушли, пообтерлись всѣ углы и мы отчасти сошлись въ понятіяхъ. Къ тому и идетъ. Слѣд. общественное воспитаніе (которое такъ было съ руки инымъ родителямъ, давая поскорѣе возможность отвязаться отъ своихъ птенцовъ, особенно на казенный счетъ) начинало быть уже вреднымъ для юношества, тѣмъ болѣе, что исключительность его доведена была въ послѣднее время до высочайшей степени, и прежней рутиной и удобствами

// л. 3 об.

самихъ родителей. Нашъ добрый царь, золотая, русская душа, думаетъ теперь иначе – и слава ему! Потому это я Вамъ все пишу теперь, что Вы Вашимъ письмомъ разбудили во мнѣ всѣ тяжелыя воспоминанія моего собственнаго воспитанія. Но я былъ въ отцовскомъ домѣ до 15 лѣтъ и не заглохъ въ Корпусѣ. Но что я видѣлъ передъ собою, какіе примѣры! Я видѣлъ мальчиковъ тринадцати лѣтъ, уже разсчитавшихъ себѣ всю жизнь: гдѣ какой чинъ получить, что выгоднѣе, какъ деньги загребать (я былъ въ инженерахъ) и какимъ образомъ можно скорѣе дотянуть до обезпеченнаго, независимаго командирства! Это я видѣлъ и слышалъ собственными глазами и не одного, не двухъ! Вотъ почему мнѣ всегда казалось, что Паша слишкомъ рано поступилъ въ Корпусъ. Но что было дѣлать? Жена моя оставалась вдовою и безъ большихъ надеждъ въ будущемъ. Лучше ужъ было пристроить сына поскорѣе, чѣмъ съ нимъ горе мыкать и оставить его безъ образованія. Просить начали еще давно. Добрые люди помогли ей благородно. Паша

былъ пристроенъ, но она уже вышла за мужъ, и Паша могъ-бы оставаться дома. Неужели-же было

// л. 4

пренебречь случаемъ и сказать: теперь не хотимъ посылать сына въ Корпусъ?

Въ слѣдующую субботу пошлю довѣреннаго человѣка съ письмомъ къ Директору Корпуса. Кажется я выхлопочу, что будетъ тотъ самый человѣкъ, который прежде привозилъ его въ Корпусъ. Этому почтальону можно довѣрить; я хорошо его знаю. Я снабжу его и письмомъ къ Вамъ, [Ива] многоуважаемый Иванъ Викентьевичъ, и имѣю кое-о-чемъ попросить Васъ. Вы пишете, что довольно прислать только письмо къ Директору и просить его и онъ отпуститъ. Я такъ и сдѣлаю и слѣпо вѣрю въ слова Ваши, что не будетъ задержки. Позвольте мнѣ принести за все искреннѣйшую благодарность Вамъ. Я знаю, что Вы берете истинное участіе въ нашемъ сироткѣ. Да наградить Васъ за это Богъ! – Жена моя свидѣтельствуетъ Вамъ свое глубочайшее уваженіе и благодарность.

Примите увѣренія въ чувствахъ совершеннаго моего уваженія и преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Ө. Достоевскій

// л. 4 об.